

Вообще, Фонтамара мало чем отличается от любой другой деревни итальянского Юга, разве что, расположившись несколько в стороне, между горой и равниной, вдалеке от больших дорог, она является и несколько более отсталой, бедной и заброшенной, чем другие деревни. Но есть в Фонтамаре и нечто особенное. Точно так же похожи друг на друга в любой стране мира бедные крестьяне, сельские жители, которые возделывают землю и еле сводят концы с концами – феллахи, кули, пеоны, мужики, голодранцы от сохи. Они составляют на нашей планете отдельный народ, отдельную кровь, отдельную религию. И всё же не найдёшь двух бедняков совершенно одинаковых.

Тому, кто поднимается к Фонтамаре со стороны равнины Фучино кажется, что деревня разместилась на сером уступе безлесной и безводной горы, будто на ступеньке. С равнины можно ясно различить двери и окна большинства домов - сотни домишек, почти сплошь одноэтажных, бесформенных, покосившихся, почерневших от времени и полуразрушенных дождём, ветром, случавшимися пожарами, с крышами, кое-как покрытыми черепицей и всякими обломками.

У большинства из этих хибар только один проём, который служит и дверью, и окном, и печным дымоходом. В такой хибаре, где внутри, как правило, нет пола и голые каменные стены, люди живут, спят, едят, производят потомство, и всё это зачастую в одном помещении, где собираются мужчины и женщины, их дети, козы, куры, свиньи и ослы.

Исключение составляет десяток домов мелких землевладельцев да старинный особняк, заброшенный и почти полностью обвалившийся. Над верхней частью Фонтамары возвышается церковь с колокольной и небольшая площадь в виде террасы. Туда поднимаются по крутой улице, которая ведёт через всю жилую часть деревни: это единственная улица, где могут проехать повозки. С обеих сторон к ней подступают узкие боковые проулки, почти все ступенчатые, крутые и короткие, где за крышами домов, до которых, кажется, можно достать рукой, едва различаешь небо.

Тому, кто смотрит на Фонтамару издалека, с равнины Фучино, жилые дома представляются в виде стада тёмных овец с пастухом – колокольней. В общем, такая же деревня, как и множество других деревень; но для тех, кто в ней родился и вырос - это целый мир. Здесь перед глазами проходит вся мировая история: история рождения, смерти, любви, ненависти, зависти, борьбы, разочарований.

Было бы трудно добавить ещё что-нибудь о Фонтамаре, если бы здесь не произошли события, о которых я и хочу рассказать. Я прожил в этом селении мои первые двадцать лет, и никакой другой жизни я не знаю.

Двадцать лет я видел одно и то же небо высоко над громадами гор, плотным кольцом окружающих равнину Фучино, не оставляя выхода. Двадцать лет я видел ту же землю, тот же дождь, тот же ветер, тот же снег, те же праздники, ту же еду на столе, ту же нужду и те же горести, ту же ужасающую нищету. Эта нищета передавалась по наследству от отцов, а те, в свою очередь, получали её от дедов, и никаким честным трудом не удавалось её победить. Случаи самой жестокой несправедливости встречались здесь издавна и стали столь же привычными, как и дождь, ветер или снег. Жизнь людей и животных на этой земле, казалось, обречена идти по замкнутому кругу, ограниченному кольцом гор и цикличностью времени. Ограниченному естественным кругом забот, неизменным, как на пожизненной каторге.

Сначала наступала пора посевных работ, затем окушивание серой, жатва и сбор винограда. А потом? А потом всё заново. Сеяние, прополка, прореживание, окушивание, жатва, сбор винограда. Всегда одна и та же песня, один и тот же заунывный мотив. Всегда. Годы шли и шли, прибавлялись и прибавлялись, юноши становились стариками, старики умирали, а на земле всё так же сеяли, пололи, окушивали, жали и собирали виноград. А что потом? А потом опять всё сначала. Каждый год похож на предыдущий, каждая весна или осень похожи на предыдущие весну или осень. Каждое поколение похоже на

предыдущее поколение. Никому в Фонтамаре и в голову не приходило, что этот вековой уклад жизни может измениться.

Социальная лестница состоит в Фонтамаре всего из двух ступеней: нижнюю, у сохи, занимает крестьянская беднота, голодранцы; чуть повыше – мелкие землевладельцы. На эти же две ступени делятся и ремесленники: чуть повыше – те, кто едва выбился из нищеты, у кого есть своя лавчонка и кой-какой инструмент; внизу, в грязи – все остальные. Из поколения в поколение голодранцы, батраки, разнорабочие, бедные ремесленники надрываются изо всех сил, терпят лишения и приносят неслыханные жертвы, чтобы преодолеть эту ничтожную ступеньку социальной лестницы. Удаётся же им это крайне редко. Тем, кому повезло, пропуском наверх становится брак с дочерью мелкого землевладельца. Но если учесть, что возле Фонтамары встречаются такие земли, где, посеяв квинталь зерна, бывает, больше квинталя и не соберёшь, то станет ясно, что вовсе не редки случаи, когда, с трудом достигнув положения мелкого землевладельца, человек вновь становится голодранцем.

(Я прекрасно знаю, что слово "голодранец" на современном языке моей страны – как в деревне, так и в городе – превратилось в выражение оскорбления и насмешки: но я использую его в этой книге, веря, что в тот день, когда людские горести в моей стране перестанут быть чем-то постыдным, это слово станет выражением уважения, а может быть, и почитания.) У тех из голодранцев Фонтамары, кому повезло больше, есть осёл, иногда мул. С приходом осени, с трудом рассчитавшись с долгами за прошлый год, они вынуждены просить займы хоть немного картофеля, фасоли, лука, кукурузной муки, чтобы не умереть с голоду зимой. Жизнь большей части из них волочится как тяжёлая цепь, состоящая из мелких займов, чтобы утолить голод, и изнурительного труда, чтобы покрыть эти займы. Когда урожай на редкость хорош и приносит непредвиденные доходы, они все уходят обыкновенно на судебные тяжбы. Поскольку следует знать, что в Фонтамаре не найдёшь и двух семей, которые не состояли бы в родстве: в отдалённых горных деревнях, как

правило, все становятся родственниками. Всем этим семьям, даже самым бедным из них, есть что делить между собой, и когда нет богатства – они делят бедность. Вот почему в Фонтамаре нет семьи, где не велась бы какая-то тяжба. Эта тяжба, понятное дело, замирает в худые годы, но тут же ожесточается, как только появляется лишняя сольдо на адвоката. И всегда это одни и те же тяжбы - бесконечные тяжбы, передающиеся из поколения в поколение в виде бесконечных процессов, бесконечных судебных трат, затаённых, тлеющих обид; и всё, чтобы установить, кому принадлежит куст терновника. Куст гибнет в пожаре, но тяжба продолжается со всё больше разгорающейся злобой. Ещё никому не удавалось уйти от этой жизни. Да, откладывать деньги получалось и в те времена – двадцать сольдо в месяц, тридцать сольдо в месяц, летом, может, и сотню сольдо в месяц. К осени можно было накопить лир тридцать. Но они тут же уходили: на проценты по векселям, или же адвокату, или священнику или аптекарю. И следующей весной начиналось всё сначала. Двадцать сольдо, тридцать сольдо, сто сольдо в месяц. Потом снова всё сначала.